

РЕЦЕНЗИИ

Henryk Szlajfer, *Droga na skróty. Nacjonalizm gospodarczy w Ameryce Łacińskiej i Europie Środkowo-Wschodniej w epoce pierwszej globalizacji. Kategorie – analiza – kontekst porównawczy.* Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 2005, 368 s.

Хенрык Шляйфер много лет занимается историей Латинской Америки и экономическим национализмом, стараясь установить связь между сферами экономики и политики в странах, которые представляют собой периферию мировой экономики. При этом он задает вопрос об успешности реализуемой в них государственной политики поддержки экономического развития. Рецензируемая книга является попыткой ответа, хотя бы частичного, на этот вопрос на основе целостного сравнительного анализа явления экономического национализма в регионах, на самом деле географически отдаленных и имеющих различную во многих аспектах историю, но в них исследователь отмечает существенные аналогии развития, что трудно объяснить исключительно случайными обстоятельствами.

Во введении автор утверждает: «Экономический национализм, понимаемый как совокупность аналитических категорий, относится к общественным явлениям, которые нельзя свести к сфере экономического выбора, – так, как они понимаются в теории экономики. Ибо это в то же время идея, мотивирующая политическую деятельность, способ определения межгрупповых конфликтов, культурный контекст (в том числе национально-этнический) и экономическая политика. А это приводит к тому, что концептуализация экономического национализма требует ссылки на исследовательские результаты и предложения многих научных дисциплин, в том числе в

особенности экономической истории и – в необходимом объеме – истории идей» (s. 12).

Читатель должен рассматривать эти слова как предостережение о том, что чтение книги – трудная задача, требующая знакомства со многими областями, в которых автор свободно ориентируется, опираясь на сведения из истории экономической мысли, социологии, теории экономики, а вдобавок политической истории Европы (не только Центральной) и Америки (не только Латинской). Он объединяет это с дискуссией со взглядами ученых многих стран, произведения которых напечатаны на разных языках. Библиография (она содержит лишь цитируемые работы, что я считаю благородной привычкой) занимает 40 печатных страниц и представляет книги и статьи на английском, французском, испанском, немецком, польском, португальском и русском языках. Множество и сложность проблем, а при этом стремление к краткости изложения приводят к тому, что автор, как правило, ссылается на исторические факты, проблемы, теории, фамилии ученых и политиков и т. д. как на вещи, прекрасно известные читателю, что – опасаясь – зачастую окажется ошибочной предпосылкой, из-за чего необходимо будет заглянуть в энциклопедии и учебники. Однако трудно было бы объяснить, даже очень бегло, все упоминания, иначе объем работы значительно бы возрос. Но книге грозит опасность, постигшая важнейшие произведения Юзефа Хлебовчика (кстати, цитируемые в ней): историки их не читали, потому что их оттолкнула социология и экономика, а экономисты не придали им значения, потому что проблематика была историческая. Остается рассчитывать на некоторых социологов, пользующихся родственными науками. Выводы, следующие из этой книги, могли бы пригодиться политикам, в том числе польским. К сожалению, немногие к ней обратятся, еще меньше ее поймет.

Книгу открывает объяснение терминов, используемых автором, существенных для понимания его рассуждений, ибо в области, которой он занимается, существуют значительные терминологические разночтения. Прежде всего следует обратить внимание на то, что определением «первая глобализация» Х. Шляйфер охватывает процессы, начало которых можно символически датировать 1648 годом (Вестфальский мир), а окончание – всемирной катастрофой великого кризиса тридцатых годов XX века и второй мировой войной.

Теоретические предпосылки экономического национализма он усматривает в концепциях меркантилистской экономики начала XVII века. Экономический национализм, то есть упомянутый в заголовке «кратчайший путь» к развитию национальной экономики периферийных стран автор оценивает критически, но избегает категорических суждений и в заключение, затрагивая много других вопросов, пишет: «Может ли существование экономического национализма как варианта экономической политики вести к несчастьям, подобным тем, которые известны из межвоенного периода? Я имею здесь в виду прежде всего позиции и поведение элит в странах, действия которых сказываются в масштабе континентов и мировой экономики. Является ли национализм, выражающийся в экспортной экспансии, моделью для подражания для всех отсталых стран или только вариантом для немногих? Определяют ли перспективы второй глобализации новый меркантилизм и усиливающаяся борьба за обладание природными ресурсами?». Затем он цитирует предвидения некоторых экономистов и замечает с осторожным скептицизмом: «Эти пессимистические прогнозы, однако, необязательно исполнятся, если индустриализация не будет происходить одновременно во всех периферийных странах. Если рынки новых “драконов” откроются, что стремительно увеличит мировой спрос, если институциональные – политические и экономические – рамки современного мира выдержат натиск со стороны новых региональных держав *in statu nascendi*, если концепция “необщественных” амортизаторов не будет окончательно отброшена, если...» (s. 311-312). И заканчивает книгу утверждением, далеким от оптимизма: «Это проблема веры, а не знания, что ответы, которые мы получим на те или иные вопросы, подтвердят прочный разрыв с политическими страстями и безумствами, которые до сих пор часто сопровождали (немногочисленные) успехи и (многие) поражения экономического национализма, что (...) экономический национализм как *doux commerce* и «спокойная страсть» возможен и способен одолеть деструктивную динамику интегрального национализма» (s. 312). Чтение книги склоняет к размышлениям, выходящим за рамки ее основной тематики, к дискуссии, а в некоторых случаях к предложению дополнений и развития едва лишь намеченных проблем. Рецензент должен ограничиться, однако, только парой вопросов, которые обратили на себя его внимание благодаря его собственным интересам.

Неизбежным выводом, следующим из подробного анализа эволюции обоих регионов, является утверждение, что экономическая политика и теоретические концепции экономистов, представляющие собой ее обоснование (зачастую лишь *ex post*, что Шляйфер справедливо замечает), возникают под влиянием неизмеримо многочисленных событий, явлений и изменений в разнообразных сферах жизни общества – как в политике, так и в экономике (в отечественном и международном масштабе) – вследствие социальной, этнической и религиозной дифференциации, а также других факторов, в том числе психологических. Существенное значение имеет и своеобразная «историческая память», формируемая отчасти семейным опытом, а также политикой и пропагандой. Автор, правда, указывает некоторые, иногда существенные аналогии между исследуемыми регионами и государствами, но в то же время, анализируя разнообразные действующие в них специфические факторы, опосредованно доказывает, что связную теорию, объясняющую источники и последствия экономического национализма, которая имела бы универсальный характер, сконструировать невозможно. Исследователь наталкивается на многочисленные исключения и особенности эволюции, причем немалое значение имеют индивидуальности выдающихся ученых, которые способны разбудить воображение обществ и пустить в ход их коллективную энергию. В социальных процессах обнаруживается слишком много переменных, чтобы сконструировать систему уравнений, годную для универсального использования, а тем более для предвидения будущего.

Это можно обнаружить, в частности, в процессах возникновения национальных идеологий и проникновения национального сознания в различные общественные слои. Автор убедительно показал, как региональные экономические интересы или представления, касающиеся их, а также отраслевые интересы могут способствовать процессам «национализации» граждан, формирования связи с государством, гражданами которого они являются, возможно антагонистического отношения к «чужим» или тормозить эти процессы. Однако в этой схеме трудно найти место для антисемитизма, так как «торговое соперничество» может касаться лишь определенного фрагмента такой позиции. На землях древней Речи Посполитой Обоих Народов, вероятно, более важной проблемой, как мне кажется, было возникновение и распространение нацио-

нальных идеологий, отличных от польской, в том числе еврейской. Достойным же внимания является учет «регионального экономического национализма». Это можно обнаружить в «Стране над Вислой» в связи с эволюцией политических программ той части польских политических элит, которая и во время разделов оперировала категориями польского национального пространства и национальной экономики масштаба начала XVIII века. Хорошим примером этого было решение Леопольда Кроненберга о том, чтобы ограничить экспансию интересов Варшавского торгового банка на территории России в пользу деятельности в Царстве Польском, возможно также на украинских землях.

В некоторых фрагментах книги мы встречаем проблему отношения представителей концепции экономического национализма к иностранному капиталу. Автор подчеркивает, что в конкретных обстоятельствах это отношение было (и является) различным, а капитал, притекающий извне, приветствуется как фактор, ускоряющий экономическое развитие и модернизацию страны, но иногда наоборот – осуждается и обвиняется в закреплении отсталости и эксплуатации богатств страны и общества. Однако остался невыясненным вопрос, что такое иностранный капитал, а также какой капитал считается чужим в ощущении общества. Я когда-то предлагал определять термином «иностраный капитал» такую ситуацию, в которой центр управления этим капиталом находится в другом государстве, а прибыль вывозится и используется прежде всего за границей, вдобавок возможна связь обладателей этого капитала с иностранными политическими центрами. Данный вопрос имеет существенное значение, так как с экономической точки зрения национальность (впрочем, ее иногда невозможно определить) владельцев, а также, возможно, лиц, распоряжающихся прибылью, второстепенно, сам по себе капитал не имеет национальности. Поэтому капиталы крупных лодзинских предприятий в Польше (также в те времена, когда эта часть Польши принадлежала России), независимо от национальности владельцев, имели отечественный характер, а капитал, представляемый *Banca Commerciale Italiana*, был иностранным, хотя этим банком руководил потомственный варшавянин Юзеф Тёплиц.

Мне в этой книге не хватает обращения внимания на Аграрный блок государств Центральной Европы (впрочем, он не вызывает особого интереса у историков), достойную

внимания попытку реализации политики экономического национализма в масштабе всего региона. Она подвела в результате слишком глубоких различий между национальными интересами отдельных государств, в особенности тех, которые не смогли вовремя заметить угрозу со стороны экономической экспансии Третьего Рейха. Это была, вероятно, наиболее амбициозная (хотя и не единственная) программа создания своеобразного «европейского союза» ограниченного масштаба, предпринятая в межвоенные годы. Ее следует, вероятно, признать зародышем идеи создания общего европейского рынка, реализуемой через много лет после окончания второй войны.

Меня не убедило то, что к Центрально-Восточной Европе, понимаемой как экономическая периферия, можно было отнести также Чехословакию. При этом у меня складывается впечатление, что в этом не убежден и сам автор. Среди проблем, существенных для польской экономики, хотя и маргинальных с точки зрения основных проблем, обсуждаемых в книге, следовало бы указать на последствия российской революции, которая вызвала потерю польских капиталов, размещенных в российских ценных бумагах (государственных и частных), а также долгов, не возвращенных многим предприятиям Царства Польского. Правда, не только Польша почувствовала эти потери, но их значение для межвоенной экономики нашей страны было относительно гораздо большим по сравнению хотя бы с Францией, которая понесла самые большие потери среди остальных европейских государств.

Думаю, что книга должна появиться в английском переводе, так как именно на этом языке происходят важнейшие дебаты, касающиеся проблематики экономического национализма, и хорошо было бы, если бы в большой международной дискуссии зазвучал также серьезный голос из Польши. Ведь автор пишет о важнейших проблемах современного мира – как экономических, так и политических.

Ежи Томашевски

Рецензия из журнала *Sprawy Międzynarodowe*, 2006, nr 3.

Włodzimierz Borodziej (red.) przy współpracy Dominika Picka, *Polska wobec zjednoczenia Niemiec 1989-1991. Dokumenty dyplomatyczne*. Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2006, 574 s.

Данная оценка представляемого сборника документов не носит характера типичной рецензии. Ибо ее автор был одним из участников событий, документируемых в рассматриваемой книге, и редактором или соредактором значительной части помещенных в ней документов. Это скорее разновидность комментария, выясняющего некоторые аспекты тогдашних переговоров с учетом их нынешнего значения.

Прежде всего следует выразить искреннюю признательность профессору Влодзимежу Бородзею и группе документалистов из Архива Министерства иностранных дел за подготовку этого сборника. Возможно, несколько случайно, но он появился в нужный момент: мало того, что польско-немецкие отношения переживают тяжелые времена, так с некоторых пор в Польше продолжается дискуссия, в которой делается попытка подвергнуть сомнению главные принципы этих отношений, заложенные во время политического перелома в 1989 г. Представляемый сборник документов показывает, как формировались эти принципы (особенно в договорах, заключенных в 1990-1991 гг.), а также каково их важнейшее содержание и главные связи. Серьезная и ответственная дискуссия о состоянии польско-немецких отношений должна предполагать глубокое знание этих условий.

Публикация содержит хорошо подобранные материалы, представляющие принципиальную точку отсчета – в ходе объединения Германии был положен конец всем сомнениям, которые до тех пор высказывались в ФРГ по поводу правового статуса польско-германской границы.

Заканчивая введение, профессор В. Бородзей отмечает, что документирование остается исторической, а не юридической работой. Поэтому в ней нет дипломатических документов (главным образом, дипломатических нот), которые сопровождали переговоры в рамках Конференции 2+4, хотя они создают важный правовой узел, относясь, в частности, к необходимости выполнения принятых на основе немецкого внутреннего законодательства обязательств, касающихся окончательного правового характера польско-германской границы; этот вопрос время от времени поднимается к тому же в общественной дискуссии. Отдельного исследования ожидает

также важная и интересная область, касающаяся решения экономических и финансовых проблем в связи с объединением Германии. Представляемая документация не относится также ни к преемственности международных договоров, ни к выплатам компенсаций для бывших работников принудительного и рабского труда; этот второй вопрос в связи с его важностью все время «сопровождал» переговоры по поводу обоих двусторонних договоров и нашел свое принципиальное с точки зрения правовой формулы решение в соглашении, заключенном в октябре 1991 г. Следует также обратить внимание на то, чего нет в многочисленных опубликованных в ФРГ толстых томах документации Конференции 2+4 и процесса объединения Германии, – небольшой (содержащий немногим более одной страницы машинописи) документ, имеющий принципиальное значение для понимания правовой сущности Договора 2+4, – т. н. Парижский протокол (принятый 17 июля 1990 г. во время встречи в Париже с участием делегации Польши). Этот протокол однозначно объясняет, что Договор 2+4 заменил мирное урегулирование с Германией, заключенное после второй мировой войны, а тем самым никакой мирный договор уже не принимается во внимание. Это означает, что т. н. оговорка, связанная с мирным договором (*Friedensvertragvorbehalt*), которая была основанием для выдвигания в ФРГ сомнений по поводу окончательного, правового характера польско-германской границы, ушла в прошлое. На этот документ, помещенный в рассматриваемом сборнике (s. 399), следует обязательно обратить внимание польским и немецким исследователям, имеющим обыкновение ссылаться только на немецкие источники.

Указание на проблемы, которые не представлены в сборнике, ни в коем случае не следует рассматривать как критику, а скорее как призыв к продолжению документационной работы. Исторические ссылки в польско-немецких отношениях имеют особое значение, а их основательное знание может помочь объективной и взвешенной оценке, а также ведению политики.

Сборник документов предваряет введение (s. 7-43), в котором, кроме технических объяснений, представлены методологические рамки книги и указаны важнейшие исторические условия периода перемен 1989-1991 гг. Конечно, введение не пишется для того, чтобы делать в нем подробный анализ опубликованных документов. Это задача для ряда исследователей, занимающихся политическими и правовыми

проблемами в польско-немецких отношениях, а также историей дипломатии. Несмотря на это, я хотел бы дополнительно осветить два вопроса, которые в последнее время повторяются в политических дискуссиях.

Первый касается обмена письмами, который сопровождал подписание т. н. большого договора и содержащегося в нем утверждения, что этот договор «не занимается» имущественными вопросами. Из опубликованной документации ясно следует, что польская делегация хорошо знала подтекст немецкой инициативы, направленной в эту сторону (хотя и звучащую иначе – ср. документ № 93, s. 501 и след.). Если в конце концов и был согласован приведенный выше текст, то это было вызвано прежде всего такими соображениями: во-первых, было ясно, что потенциальные претензии с немецкой стороны, относящиеся к имуществу, оставленному на бывших восточных территориях Германского Рейха, не имеют никакого правового обоснования и на их успешное удовлетворение надежды нет; во-вторых, были серьезные претензии с польской стороны, касающиеся бывших работников принудительного и рабского труда; в-третьих, существовали и существуют нерешенные проблемы, связанные с возвращением культурных ценностей. Рассматривая эти вопросы, особенно в контексте нынешних дискуссий и упреков в том, что данная клаузула может подрывать польские интересы, следует учесть итоги действия этой клаузулы после 15 лет вступления договора в жизнь: в Польшу из ФРГ поступило более 4 млрд. злотых для бывших работников принудительного и рабского труда; с немецкой стороны два последних канцлера ответственно с точки зрения международного права заявили, что для претензий с немецкой стороны по отношению к Польше «нет оснований» и что ФРГ не будет поддерживать эти претензии в судебных процессах; наконец, следует учесть, что переговоры по поводу возвращения культурных ценностей по-прежнему продолжаются и, вероятно, скоро не закончатся. Знание вышеизложенных условий должно быть подвергнуто основательному анализу, прежде чем будет выдвинута инициатива о заключении какого-либо договора, который должен был бы «окончательно закрыть» вопрос о претензиях в польско-немецких отношениях, связанных со второй мировой войной. Ибо с немецкой стороны этот вопрос беспредметен (закрыт), вопрос же о возвращении культурных ценностей требует еще продолжительных перегово-

ров, а адресатом возможных польских реперационных претензий могла бы быть исключительно Россия (на основании Потсдамского договора Польша удовлетворила большинство из них из части, причитавшейся СССР).

Вторая проблема касается регулирования защиты национальных меньшинств. В дискуссии не без оснований подчеркивается, что сделал, например, премьер Тадеуш Мазовецки во время презентации книги 14 ноября 2006 г., что признание немецкого меньшинства в Польше в т. н. большом договоре вызывало неоднозначные оценки и требовало немало политической смелости (ибо общественную реакцию было нелегко предвидеть). Для юриста – участника переговоров оставалась еще одна важная проблема: следствием неясностей в ФРГ, касающихся окончательного правового характера польско-германской границы, было сохранение концепции немецкого гражданства и статуса «немца» в понимании ст. 116 Основного закона ФРГ со ссылкой на границы Германского Рейха по состоянию на 31 декабря 1937 г. Это положение – при признании наличия немецкого меньшинства – не могло быть принято Польшей по принципиальным соображениям. Устранение в Договоре 2+4 неясностей, существовавших в ФРГ по вопросу о правовом статусе польско-германской границы, открыло путь к решению опирающейся на международный стандарт принадлежности к национальному меньшинству как следствия личного выбора индивидуума (т. н. индивидуальный вариант) при признании гражданской лояльности в отношении страны проживания. В то же время, как мы знаем, большие эмоции вызывает существующая в «большом» договоре неравнозначность терминологии: с одной стороны, признание немецкого меньшинства, с другой – отсутствие такого определения (национального меньшинства) в отношении поляков, живущих в ФРГ. Рассматривая эту проблему, следует принимать во внимание различные условия. Из отсутствия установленной дефиниции национального меньшинства, вероятно, следует то, что на такое название в ФРГ могла бы претендовать относительно небольшая группа немецких граждан польского происхождения, на протяжении нескольких поколений проживающих в Рурском бассейне. В то же время значительное большинство пребывавших в ФРГ в конце восьмидесятых годов XX века поляков или не имело немецкого гражданства, или вообще находилось там нелегально, или эмигрировало в ФРГ, пользуясь статусом «немца» в

понимании ст. 116 Основного закона ФРГ (т. е. по сути ссылаясь на национальную версию). Поэтому решение, согласованное в договоре, было оптимальным: оно позволяло охватить заботой (другое дело, насколько эффективной) всю неоднородную польскую группу в ФРГ. Данная ситуация фактически не намного изменилась до сих пор, хотя следует заметить, что членство Польши в ЕС укрепляет защиту т. н. наемных работников – ибо из евросоюзного законодательства вытекает обязанность страны-хозяина заботиться о национальной идентичности лиц, пользующихся свободой передвижения граждан Евросоюза (особенно их детей). Представляется, что рассматриваемые то здесь то там предложения стремиться к какому-то дополнительному двустороннему правовому регулированию, которое могло бы ввести понятие «польского национального меньшинства», не учитывает очень сложного и различного положения живущих в ФРГ поляков. Укрепление правовых механизмов их защиты следовало бы искать не только в двусторонних регулированиах, но и в укреплении международного стандарта, который в большей степени должен учитывать дифференцированный характер национальных групп, пребывающих на территории других государств. Кстати, т. н. большой договор был предтечей такого подхода, ибо связывал защиту с международным стандартом, а в упомянутых письмах (п. 1) ФРГ обязалась обеспечить польским мигрирующим работникам как национальным меньшинствам защиту «в далеко идущем масштабе»!

В заключение я бы хотел обратить внимание на существенное замечание профессора В. Бородзея, сделанное во время презентации книги 14 ноября 2006 г., который усматривает трудность в польско-немецких отношениях, в частности, в отсутствии «привычки» политических элит к основным регулированиах, на которых эти отношения должны зиждиться. Без сомнения, представленный сборник документов может привести к выработке такой «привычки». Ибо без основательного, рудиментарного знания об основных, «исходных» проблемах трудно рационально и ответственно формировать будущее польско-немецких отношений.

Просматривая предлагаемую документацию, я чувствую также некоторое личное «чиновничье» удовлетворение. Во время переговоров в ходе Конференции 2+4 и по поводу обоих польско-немецких договоров, обремененные массой работы, мы лишь в некоторой степени отдавали себе отчет в значи-

мости происходивших тогда событий. Однако неизмеримо удачным было придание чрезвычайного внимания документированию и архивизации хода переговоров. Конечно, не все было «записано». Мы по-прежнему ждем личных отчетов главных лиц, которые определяли польскую позицию по обсуждаемым вопросам, – премьера Тадеуша Мазовецкого и министра иностранных дел Кшиштофа Скубишевского.

Ян Барч

Рецензия из журнала *Sprawy Międzynarodowe*, 2007, nr 2.

Carlos Taibo, *Rusia en la era de Putin*, Madrid, Catarata, 2006, 297 p.

Эра В. Путина близится к концу. Карлос Таибо в книге *Rusia en la era de Putin* пытается подвести итоги правления российского президента и рассмотреть изменения, которые произошли в это время в России. Автор является профессором в Автономном университете Мадрида. В Испании он известен тем, что одним из первых начал заниматься процессами демократических изменений в государствах Центральной и Восточной Европы, знакомя испанских читателей с проблематикой этих отдаленных, как могло бы показаться из испанского далека, регионов. Хотя уже несколько лет предметом его исследований является, прежде всего, функционирование мировой системы, тема России остается актуальной в его публикациях, а последняя книга является в сущности продолжением двух прежних работ, касающихся изменений, которые произошли в Советском Союзе в связи с реформами М. Горбачева (*La Union Soviética de Gorbachov*, Madrid, Fundamentos, 1989), а также ситуации в России в период правления Б. Ельцина (*La explosión soviética*, Madrid, Espasa, 2000).

Несколько лет тому назад, когда В. Путин занял пост президента, Таибо задавался вопросом, будет ли преемник Б. Ельцина продолжать прежний курс, или же его правление станет началом нового этапа в истории России. К этому вопросу он возвращается в книге *Rusia en la era de Putin*. Однако задача, которую ставит перед собой автор, заключается не только в оценке изменений, которые произошли в России в течение последних лет, но и в анализе причин, которые

приводят к тому, что население в подавляющем большинстве по-прежнему поддерживает нынешнего президента России.

Книга написана живым языком и состоит из двенадцати глав. Автор начинает с ознакомления читателя с важнейшим институтом власти, которым является президент России. Он представляет главное лицо, В. Путина, на фоне конфликтов между группами влияния, боровшимися за власть после отставки Б. Ельцина. Автор описывает, как в конце 1999 г. В. Путин как премьер-министр начал путь к власти, чтобы в марте 2000 г. занять пост президента, «помазанного на царство» обществом в выборах, проводившихся в соответствии с «российскими» стандартами. Специфика российской политической системы подробно описана во второй главе книги. Анализируя права президента государства и методы, использовавшиеся во время изменения центральной власти, системы политических партий, а также парламентских выборов, автор старается показать, что в России мы имеем дело с формальной демократией. Целью же нынешней власти является создание структуры пирамидального характера, в которой развитая система контроля позволит отслеживать политические, экономические и общественные процессы, происходящие в обществе и государстве.

Подчинение средств массовой информации, о котором речь идет в четвертой главе книги, является одним из инструментов политики В. Путина. Стоит, однако, помнить, и автор обращает на это особое внимание, что общество поддерживает нынешнего президента, так как отождествляет его с порядком, а, как показывают исследования общественного мнения, проводившиеся систематически с 2000 по 2004 г., для 75-80% россиян порядок важнее демократии. В результате получается, что население не возражает против проведения таких действий, как, например, централизация государства; этой проблеме посвящена четвертая глава. В 2000 г. начался процесс ограничения независимости российских республик и других субъектов федерации. Территория России была разделена на семь федеральных округов во главе с представителями президента; была также изменена система выборов в Совет Федерации таким образом, чтобы верхняя палата парламента оказывала поддержку центральной федеральной власти. И, наконец, в 2004 г. была установлена система избрания президентов и губернаторов, которая в корне отличается от прежнего принципа прямых и всеобщих выборов на эти

посты. В. Путину также было дано обществом добро на проведение жесткой политики по отношению к Чечне (глава пятая). Анализ чеченского конфликта, представленный в этой части книги, опирается на более раннюю работу автора именно на эту тему (*El conflicto de Chechenia*, Madrid, Catarata, 2005). Пример Чечни, по мнению автора, лучше всего иллюстрирует, какой является и на что может быть способна центральная власть в России. В действительности она имеет авторитарный и силовой характер и не остановится даже перед действиями, которые можно оценить как геноцид.

Часто говорят, что политике В. Путина способствует экономическая ситуация. И эта тема также нашла отражение в книге Таибо (глава шестая). Однако автор, подобно тому как и многие другие обозреватели, замечает, что экономическое развитие в России имеет очень непрочный фундамент. Хотя действительно в течение нескольких лет экономический рост составляет ежегодно ок. 6% ВВП, в его основе лежат, прежде всего, высокие цены на нефть. Очень ограниченными, однако, являются действия, способствующие развитию пока еще слабой рыночной экономики, сглаживанию различий между отдельными регионами, модернизации инфраструктуры, увеличению производительности труда или же достижению уровня европейских стандартов в области охраны окружающей среды. В результате мы имеем дело в России с экономическим благосостоянием, которое может обернуться неожиданными неприятностями. В случае изменения конъюнктуры на мировых рынках нефти может оказаться, что этот рост ВВП удержать не удастся.

Как следует из анализа Таибо, кроме экономического будущего, в России существуют еще, по крайней мере, три аспекта, которые могут нас беспокоить (глава седьмая, восьмая и девятая). Во-первых, это олигархия, коррупция и организованная преступность. Эти явления (а В. Путин не противодействует им при условии, что они не угрожают его власти) показывают, что в России не соблюдаются стандарты правового государства. Во-вторых, все яснее обозначается общественный кризис. Он следует из экономического расщепления общества – на все более увеличивающуюся группу очень бедных и небольшую группу очень богатых, при одновременной слабости среднего класса, а также слабости государства, которое перестало поддерживать самых бедных. В-третьих, потенциальной опасностью для будущего России

как демократического государства является незавершенная модернизация вооруженных сил. Они не подвергаются гражданскому и демократическому контролю, а ситуация в Чечне показывает, что армия оказывает существенное влияние на процессы принятия решений относительно внутренних политических проблем России.

Остается еще российская внешняя политика, которой посвящаются две последние главы – десятая и одиннадцатая. Автор использовал традиционное деление на политику по отношению к ближнему и дальнему зарубежью. В этом контексте, с одной стороны, он рассмотрел отношения России с государствами, входящими в СНГ. Предметом его особого интереса являются Украина, Молдавия, Азербайджан и Грузия, которые в течение последних месяцев неоднократно пытались вырваться из-под опеки России, ставя под сомнение способность этого государства контролировать ближайших соседей. С другой стороны, Таибо анализирует отношения России с Евросоюзом, США, Ближним Востоком, Китаем и Восточной Азией, приходя к выводу, что для России США по-прежнему остаются важнейшей точкой отсчета, а российская политика неоднократно выражала покорность американскому партнеру.

В Заключении Таибо отмечает, что нынешняя Россия представляет собой в лучшем случае «демократию слабой интенсивности, в которой мы повсеместно имеем дело с проявлениями авторитаризма, с запуганной властью оппозицией, где к правам человека зачастую относятся унижительным образом, а диссидентские СМИ заставили повиноваться». С другой стороны, по мнению автора, ошибаются и те, которые президентство В. Путина считают успешным. Таибо утверждает, что в России не произошло коренное преобразование системы государственного устройства, а время последних шести лет следует определить скорее как период продолжения, нежели изменений. В. Путину не удалось осуществить программы укрепления государства, причем с особой наглядностью проявились здесь слабости в области внешней политики.

Карлос Таибо рисует несомненно интересную картину России. Она значительно отличается от образа, доминирующего в странах Западной Европы, согласно которому российский президент рассматривается, прежде всего, как заслуживающий доверия партнер и успешный политик. В этой картине обычно отсутствуют такие неудобные темы, как несоблюдение прав

человека. Страны Центральной и Восточной Европы способны относиться с пониманием ко многим аспектам анализа, проведенного автором работы, так как они долгие годы принадлежали к советскому блоку и проявляют особую чувствительность к преобразованиям, происходящим в государстве-преемнике СССР. Эти страны останавливают свое пристальное внимание на все чаще выступающих в России проявлениях авторитаризма.

Так куда же устремляется Россия? Даже если констатации Таибо относительно нынешнего положения России кажутся в значительной степени оправданными, то трудно согласиться с авторскими прогнозами будущего этого государства. Находясь под влиянием глобалистской парадигмы, созданной на основе теории левого движения и трудов Валлерстейна, Таибо утверждает, что Россия является сценой, на которой «капиталистическая глобализация» с разрешения Европы и Соединенных Штатов пытается одержать очередную победу. Если на самом деле это так, то представленные рассуждения не могут служить достаточным основанием для поддержки этого окончательного тезиса. Они скорее дают право утверждать, что в ближайшем будущем в России будут главным образом усиливаться авторитарные тенденции; однако это государство, несмотря на свои великодержавные устремления, не обладает, пожалуй, способностью восстановить прежнюю мощь.

Беата Война

Gerhard L. Weinberg, *Wizje Zwycięstwa. Nadzieje ośmiu przywódców z czasów drugiej wojny światowej*, wyd. Książka i Wiedza, Warszawa 2007, 320 s.

Профессор Герхард Вайнберг, наряду с профессором Дональдом Канероном Уаттом, автором книги «*How war came The Immediate origins of the Second World War*», считается самым выдающимся из ныне живущих знатоков истории второй мировой войны. Он заслуживает признания за предметный и объективный подход к проблематике Польши и ее внешней политики, проводимой во время и после этой войны.

Г. Вайнберг родился в Ганновере, в Германии, где провел десять лет жизни. Его семья вынуждена была эмигрировать в

1938 году из Германии в Великобританию, а затем оказалась в штате Нью-Йорк в США. Будущий ученый получил американское гражданство во время службы в армии Соединенных Штатов, в частности, он принимал участие в оккупации Японии в 1946-1947 гг. Вайнберг закончил Университет штата Нью-Йорк в Алабаме, а затем в 1951 г. защитил в Чикагском университете докторскую диссертацию под названием *Отношения Германии с Россией в 1939-1941 гг. (German Relations with Russia, 1939-1941)*. Получил известность, между прочим, как переводчик и издатель т. н. *Второй книги* Гитлера (*Zweites Buch*), являющейся некоторого рода продолжением небезызвестной *Mein Kampf*.

Среди многих прекрасных разработок проф. Вайнберга – «Внешняя политика гитлеровской Германии: дипломатическая революция в Европе, 1933-1936 гг.» (*The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933-36*), опубликованная в 1970 г., не переведенная на польский язык работа 1975 г. «*Transformation of a Continent: Europe in the Twentieth Century*», «Внешняя политика гитлеровской Германии: начало второй мировой войны, 1937-1939 гг.» 1980 г. Но самым выдающимся трудом Г. Вайнберга считается «Мир под ружьем: всеобщая история второй мировой войны» – трехтомное произведение, являющееся полным исследованием этого величайшего в истории человечества конфликта (*A World at Arms: A Global History of World War II*, 1994). Эта последняя из названных работ была удостоена премии имени Джорджа Льюиса Бира, присуждаемой Американской исторической ассоциацией. Ныне Вайнберг является профессором-эмеритусом Университета Северной Каролины в Ченел Хилл.

Зная высокую содержательную ценность работ проф. Г. Вайнберга, польские читатели ожидали перевода его самой новой книги, озаглавленной *Visions of Victory. The hopes of eight World War II leaders*, выпущенной в 2005 г. в Нью-Йорке издательством *Cambridge University Press*. Учитывая, что перевода вышеупомянутого «Мира под ружьем» польскому читателю пришлось ждать почти восемь лет, перевод «Видений Победы» (именно так звучит по-русски название новейшей книги профессора) на польский язык (*Wizje Zwycięstwa*), выпущенный издательством *Książka i Wiedza* в 2007 г., появился почти незамедлительно.

Видения Победы – это, как в подзаголовке отмечает сам автор, надежды восьми руководителей времен второй мировой

войны. Профессор Вайнберг последовательно описывает мир, воспринимаемый глазами Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини, Хидеки Тойо, Чан Кайши, Иосифа Сталина, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля и Франклина Рузвельта.

Как указывает сам автор, замысел написания «Видений Победы» зародился во время работы над другой книжкой об истории второй мировой войны. Тогда Г. Вайнберг, вдохновленный идеей Шарля де Голля о том, что Южная Ливия должна быть включена в состав французской Экваториальной Африки, испытал искушение присмотреться к планам остальных руководителей государств периода второй мировой войны и изучить эти планы. Заметим, что упомянутая территория, которую де Голль хотел сделать французской колонией, – это часть Сахары. Появляется сомнение в целесообразности такого действия, а вместе с этим сомнением обнаруживаются другие вопросы, в частности, о видениях послевоенного порядка, которые рождались в умах главных руководителей второй мировой войны. В отношении фигур, которые составляют предмет его работы, Вайнберг произвел некоторого рода сопоставления. Он поочередно представляет их отношение к союзникам и противникам, описывает видения послевоенного мира в случае победы каждого из них и даже представляет архитектурные фантазии, лелеемые ими, как это произошло в случае Гитлера, Сталина или Муссолини. Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на наличие множества биографий или монографий на тему личной жизни, проводимой политики и главных сотрудников и детерминантов деятельности каждого из рассматриваемых по отдельности Вайнбергом руководителей, ни в одной из опубликованных до сих пор работ не произведено сопоставление, которое так отчетливо позволило бы сравнить их амбиции, планы, возможности и достижения. Сужение круга персонажей этой книги до восьми человек представляется целесообразным, потому что именно способ ведения ими политики в наибольшей мере повлиял не только на судьбы подвластных им государств, но и многих других народов, руководители которых не сыграли ключевой роли во второй мировой войне.

Все представленные Вайнбергом фигуры – сильные личности и величайшие индивидуалисты, которые придавали окончательную форму внешней политике, проводимой их странами. Эта внешняя политика имела большее или меньшее глобальное значение. Известно, что Хидеки Тойо или Бенито

Муссолини не имели столь же обширного влияния и не были способны так радикально менять и формировать ход второй мировой войны, как это делали Адольф Гитлер или Иосиф Сталин, хотя, если сузить значение их политики до регионального масштаба, они были руководителями, чьи действия имели решающее значение для региональной политики.

Вайнберг показывает не только мир с точки зрения побед отдельных участников конфликта, но и эволюцию способа видения событий, переменчивость решений, которые были их следствием. Думаю, что сам выбор персонажей, являющихся предметом описания, почти очевиден. Такие политики, как Клемент Эттли или Гарри Трумэн, непосредственно не влияли на ход основных военных действий, застав уже в значительной мере выкристаллизованный послевоенный порядок. Вайнберг подвергает анализу тех руководителей, которых считает реальными творцами послевоенного мира.

Так, Гитлер воспринимается Вайнбергом как человек, который от этапа к этапу войны терял возможность и умение реально оценивать ситуацию и восприятие которым действительности было искажено идеологическим ослеплением и верой в победу. Вайнберг отмечает также пробелы в знаниях, которые не дали Гитлеру возможности рационально оценивать ситуацию.

Муссолини во многом напоминал Гитлера. Есть некоторое совпадение событий, которые сформировали как итальянского, так и немецкого руководителя. Это прежде всего разочарование, возникшее из недовольства ходом и результатом первой мировой войны, огромная надежда на победу, вера в возрастание значения своей страны после нового конфликта. То, что отличало Муссолини от Гитлера в ключевой для хода войны момент, которым было начало войны с СССР, – это реализм, который позволил первому из них увидеть необходимость заключения мира и вступления в мирные переговоры с Советским Союзом.

Хидеки Тойо, в отличие от Гитлера и Муссолини, был профессиональным военным. Этот японский премьер и военный министр считал величайшим и опаснейшим противником своей страны Советский Союз. Принципиальным вопросом по отношению к Японии, на который, по мнению Вайнберга, следует обратить внимание, является тот факт, что Хидеки Тойо, если абстрагироваться от его предводительских амбиций и планов, осуществлял конституционную власть, будучи

членом японского правительства. Если даже предположить, что он пытался укрепить свою позицию с помощью подчиненных ему военных, инспирируя политические убийства, то в конечном счете масштаб этого явления в Японии по сравнению с Германией эпохи Гитлера или даже Италией времен Муссолини ничтожен.

Кроме того, профессор Вайнберг обращает внимание на поразительную проблему в истории японской армии. Он подчеркивает ее жестокость в ведении военных действий – как по отношению к войскам противника, так и к гражданскому населению. Он противопоставляет просто нечеловеческое отношение к пленным, так отличавшееся от бытовавшего в русско-японской войне 1904-1905 гг., нечеловеческому, «одичалому», как он это определяет, образу жизни японских солдат. Такое поведение профессор считает чрезвычайно опасным в случае возможного завоевания японской армией новых территорий и колоний, предназначенных для захвата в западном полушарии, населенном главным образом белыми людьми.

Другим профессиональным военным, в значительной мере повлиявшим на ход второй мировой войны, был Чан Кайши. Его позиция по вопросу об участии Китая в глобальном конфликте отличалась от позиций Гитлера, Муссолини и Тойо по отношению к участию их государств в этом конфликте. Чан Кайши вполне осознавал внутренний раскол Китая. Он считал, что количество факторов, дестабилизирующих страну, настолько велико, что не следует ввязываться во внешний конфликт. Он рассчитывал на участие Советского Союза в войне с Японией, эти надежды возрастали по мере роста товарной помощи, которую СССР оказывал Китаю, но, когда был подписан германо-советский договор, казалось, к несчастью для Китая, политика Германии из прокитайской становится прояпонской. Новые надежды Чан Кайши связывал с участием Соединенных Штатов в войне с Японией. Сознание того, что Китай не был главным театром военных действий, не сломило в китайцах, однако, воли к борьбе, а сам Чан Кайши стал символом борьбы и консолидации страны.

Одна из ключевых фигур второй мировой войны Иосиф Сталин воспринимается как личность, которой создать себя соответствующим образом помогло стечение многих благоприятных для нее обстоятельств. Победа во второй мировой войне, которая досталась Красной Армии, дала Сталину

большой кредит общественного доверия – как внутреннего, в советском обществе, так и внешнего, возникшего в обществах Западной и Центральной Европы. Этот кредит, однако, как замечает автор, ни Сталин, ни другие следовавшие за ним руководители СССР не сумели использовать вполне.

Уинстон Черчилль среди вождей второй мировой войны занимает особое место. Он парадоксальным образом не исполнял функций премьера ни в момент вступления в войну Великобритании, ни в момент окончания этой войны. Правда, Черчилль уже в 1940 г. рассматривал возможность подписания с Германией мира, но быстро отказался от этой идеи, утверждая, что Великобритания не имеет иной возможности, чем ведение военных действий до окончательного их завершения и победы британской стороны. Опыт 1939-1940 гг. утвердил Черчилля в убеждении, что Германия должна быть полностью разгромлена, а на немецких противников Гитлера рассчитывать нельзя. Парадоксальным образом на последнем этапе второй мировой войны власть в Великобритании унаследовал Клемент Эттли, который отошел от черчиллевского видения колонии, палестинского государства, а его представления о внутренней политике в гораздо большей степени, чем это предусматривал Черчилль, опирались на социальное обеспечение.

Шарль де Голль, руководитель «Свободной Франции», усматривал силу своего государства не только в возвращении колониального статус-кво, но и в новых территориальных приобретениях для Франции. Поскольку основная угроза для страны, по его мнению, извечно исходила от Германии, генерал требовал ее ослабления посредством разделения, ограничения военной силы и изменения экономического характера. Де Голль при этом верил в возможность восстановления мощи Франции, видя в Советском Союзе гарант континентального равновесия, существенным элементом которого должна была стать сама Франция.

Особого внимания заслуживает позиция Франклина Делано Рузвельта. Этот американский президент охарактеризован Вайнбергом как оптимист, никогда не сомневавшийся в окончательной победе союзников. Задолго до действительного окончания военных действий он мечтал о демилитаризации Германии, создании новой организации, охраняющей мир во всем мире и являющейся его гарантом. Все эти действия должны были предотвратить возникновение нового глобального

конфликта, невольным участником которого Рузвельт был уже дважды.

По моему убеждению, самым большим достоинством *Видений Победы* является сама конструкция книги. Ибо это не какая-то беллетристическая новинка и не книга, описывающая в различных ракурсах ход второй мировой войны или отдельные ее битвы и фронты, это произведение, находящееся на стыке истории и политологии.

Перспектива, из которой Вайнберг поочередно показывает точки зрения главных фигур второй мировой войны, позволяет с высокой степенью вероятности представить их намерения, планы и амбиции в случае успешного для них окончания конфликта. Ибо каждый из них предполагал, что окажется среди победителей, не допуская для себя возможности поражения, лишь, поскольку к этому вынуждала ситуация, на время откладывая победу. Геополитическая ситуация во время второй мировой войны менялась почти со дня на день, но видения победы казались не столь уж гибкими, чтобы успевать за реальностью. Прекрасным примером, который приводит Вайнберг, является видение послевоенной немецкой столицы Берлина, который должен был получить название «Германия». Планы расцвета столицы Гитлер лелеял почти до конца своих дней, когда на расстоянии нескольких километров от Берлина были слышны уже союзнические орудийные раскаты.

Связующим элементом целого является заключительная глава работы, озаглавленная «Послевоенный мир». Это своего рода сопоставление планов и намерений с реальными достижениями. Это явно положительный итог для союзников, а в особенности, по убеждению автора, замечательный итог в пользу американцев. По его мнению, видение послевоенного будущего президента Рузвельта в наибольшей мере совпадало с реальностью, которая сформировалась в первые годы после окончания второй мировой войны. Как очень точно замечает проф. Вайнберг, президент Рузвельт был единственным среди восьми руководителей периода второй мировой войны, кто не только не жил надеждами на территориальные приращения для страны, которой правил, но даже предвидел скорый конец колониальных империй.

Работа Вайнберга опирается, как, впрочем, и все остальные его произведения, на широкий и хорошо документированный источниковедческий материал из немецких, британских и

американских архивов, а также многочисленные монографии, дневники, воспоминания и биографии. Как замечает сам автор, он пытался показать надежды и амбиции каждого из главных акторов зачастую на основе фрагментарных источников. Во многих случаях была неизбежна, что также замечает сам Г. Вайнберг, некоторая доля фантазии. Поэтому допускается новая интерпретация ныне доступных источниковедческих материалов, так, как это происходит в случае Сталина или Рузвельта, тем более что автор опирается и на недавно опубликованные материалы. По его замечанию, самые существенные с точки зрения второй мировой войны российские архивы еще не исследованы, и он надеется на недопущение окончательного обветшания находящихся в них документов, что сделало бы их исследование невозможным.

Для читателя, изучающего концепции и планы, важно, чтобы он помнил, что перспектива видения им военных реалий совершенно отличается от той, которую представляли участники второй мировой войны. Поэтому нельзя транспонировать знания, что является частой ошибкой как читателей, так и создателей исторических работ. Удивительно различие восприятия одной и той же действительности участниками конфликта. Несмотря на содержащуюся в книге некоторую дозу предположений и домыслов, она является солидной работой, опирающейся на удачно подобранный источниковедческий материал. Большое значение при этом имеют обширные научные знания Г. Л. Вайнберга, которые обусловили его своеобразный синтетический взгляд, представляющийся в такой работе необходимым.